Когда в столице нашей сердобольной Родины на Страстном бульваре я замираю у памятника Владимиру Высоцкому, то часто вспоминаю его строчки: все равно не отчеканят меня на монетах вместо герба… А ведь отчеканили, притом на серебряных… И памятник воздвигли на Петровской заставе, где я сейчас и стою в задумчивости: помышлял ли он в будущем о таких знаках признания, верил или не верил? Да и кто тогда мог в это поверить?

Разве лишь сумасшедший…

А вот ты пиво с ним пил на подоконнике…

Ущипнул себя — было, но обо всем по порядку.

В конце семидесятых годов прошлого столетия Театр на Таганке стал частью моей жизни, так сложилось, видно, звезды распорядились. Мой добрый друг Сергей Тишкин был главным машинистом сцены. У него в подвале мы и собирались. Читали запрещенную литературу, баловались портвейном. Заглядывали на огонек и артисты…

И вот однажды, в самом конце столетия — я тогда работал в «Комсомолке» и ваял свой первый роман «Дело № 777. Инопланетяне, или Похождения алкоголика Синюшкина», — нежданно-негаданно, как хулиган из-за угла, нарисовался Высоцкий — был он в роскошном халате. Надо пояснить, в это время наверху, то бишь на сцене, шел спектакль «Преступление и наказание», где Высота играл Аркадия Ивановича Свидригайлова — прелюбопытного типа.

— И че тут творите, Тихон, — практически голосом Свидригайлова поинтересовался Высоцкий, — распиваете?

— Да вот, Саня, — кивнув в мою сторону, жизнерадостно пояснил Тихон-Тишкин, — читает главу из романа про похождения алкоголика Синюшкина...

— Синюшкин, — хмыкнул Высоцкий. — А че пьете, портвешок?

— Ну да, три топора, хороший, — не без артистизма причмокнул Серега Тишкин, — будешь?

Высоцкий на мгновение задумался:

— После зайду, — чуть меланхолично ответил он, — сцена у меня важная... — и устремился наверх, а за ним почему-то и я, а за мной фотограф театра Саша Стернин — ныне один из самых известных фотохудожников.

Высоцкий с гитарой в руках сидел в кресле на фоне мрачной двери и пел:

Моих коней обида не догонит,
моих следов метель не заметет...

Я много раз видел эту сцену, и каждый раз меня охватывал озноб. Вероятно, как одинокого бездомного на холодной питерской улице.

Внезапно гитара замолкла.

— Так и передай, дескать, барин в вояж собрался... в Америку... — прохрипел Высоцкий.

Хлопнул выстрел.

Сноп света погас.

Это уже Достоевский.

Высоцкий после спектакля не зашел, а где-то через год Саша Стернин подарил мне фотографию Высоцкого-Свидригайлова с надписью на обратной стороне: «Снято за несколько месяцев до последнего спектакля... Саше Шеянову в день чтения его романа с искренним уважением и дружбой. А. Стернин».

А с Владимиром Семеновичем Высоцким случились и другие встречи. Сие объяснимо — он же вселенский метеорит, правда, далеко не всем повезло с ним пересечься.

В те времена у меня был самый настоящий роман с Аничкой Есениной — внучкой поэта. И, разумеется, я много общался с сыном поэта — Константином Сергеевичем. Чаще на даче, в Балашихе, на улице имени Есенина.

Мы говорили о поэзии, о художниках, о театре. И как-то я поведал Константину Сергеевичу сцену из спектакля «Борис Годунов» по поэме его отца, где Высоцкий играл Хлопушу.

Константин Сергеевич поинтересовался:

— Реально ли попасть на Таганку?

Я ответил коротко:

— Попробую...

В Театре на Таганке было два главных администратора: Валерий Янклович и Александр Ефимович. С Сашей — официально Александром Михайловичем — у меня сложились добрые отношения. Выслушав мою просьбу про сына великого поэта, он, разумеется, помог с местами.

И вот мы с Константином Сергеевичем уже расположились в первых рядах партера. А на сцене — лобное место. Топор торчит в пеньке.

Деревянный скат — прямо к зрительному залу, точно к людской стихии...

И босой, обнаженный по пояс Высоцкий, которого бросают с цепи на цепь, хрипит-кричит, кричит-хрипит:

— Пропустите! Пропустите меня к нему, я хочу видеть этого... Человека!

Казалось, еще немного — и вены лопнут на шее артиста, а глаза у сына поэта заметно повлажнели, да и у меня тоже.

После спектакля к нам подошел Саша Ефимович и интеллигентно сказал, что Юрий Петрович, разумеется, Любимов, хочет познакомиться с сыном Есенина. Константин Сергеевич согласно вздохнул, и мы прошли в знаменитый кабинет режиссера, исписанный мудрыми изречениями, вроде: все богини как поганки перед бабами с Таганки.

Юрий Петрович и Константин Сергеевич начали мило общаться, вспоминать Мейерхольда (на всякий случай — отчим К. С.), Зинаиду Райх (мама К. С.), заговорили о спектакле, и в это время в кабинет практически ворвался Высоцкий — он тоже хотел увидеть сына прославленного поэта. Они, почти не сговариваясь, обнялись, вернее, Высоцкий просто обхватил Константина Сергеевича, а тот что-то говорил, губы у него дрожали, и на этот раз он не удержал слезу…

Такое ощущение, что они просто много лет не виделись. И вот наконец встретились. Кто-то распорядился. Конечно, встреча встрече рознь, но, кажется, настал черед поведать про пиво на подоконнике…

Ко мне приехал мой брат Владимир — тогда он жил в Мордовии, и очень хотел посмотреть хоть какой-нибудь спектакль с участием Высоцкого, но брату не повезло — в эти дни таких спектаклей не было, зато повезло в другом: театр давал выездное представление «В поисках жанра». Что это такое?

Сначала выступал Леонид Филатов с пародиями на известных поэтов, затем пел Высоцкий…

Словом, концерт. Попробуй попади.

Но Сережа Тишкин все устроил, и брат хорошо подготовился: привез с собой с Мокши шикарного копченого леща, а к нему штук пять бутылок пива — «Жигулевского», настоящего…

Действо происходило во Дворце культуры шарикоподшипникового завода, ныне печально известного как «Норд-Ост». Спаси, Господи!

А тогда мы втроем — я, брат и Серега — уютно расположились на лестнице со стороны служебного входа.

Вместо стола — подоконник. И какой был натюрморт. Петров-Водкин со своей замороченной селедкой отдыхает. На нашей советской черно-белой газете в окружении бутылок, будто поросенок, развалился здоровенный лещ. И как он пах! Решили не откладывать.

На сцене начал выступать Леонид Филатов.

Брат иногда отрывался от леща и заглядывал в зал, а мы мирно посасывали косточки, запивали прохладным пивком и так зная, что там Леня заморачивает…

Мы ждали Высоцкого. И он неожиданно появился на лестнице. В короткой дубленке, на голове — знакомая кепка, на плече — гитара.

За ним поднимался Валерий Янклович.

— Тихон, как вы хорошо устроились! — поприветствовал нас Высоцкий.

— Володя, давай с нами, — душевно предложил Тишкин.

— А там что? — Он кивнул в сторону зала.

— А там… там Филатов выступает, — сказал подошедший брат, — про Стрельца-удальца…

— Давно начал? — уточнил Высоцкий.

— Только что…

Высоцкий потер руки:

— Есть немножко времени.

Мы пили пиво с рыбой, о чем-то говорили — было весело.

Будь в те годы айфон — представляете, какое бы получилось селфи…

— Пора! — вернул нас на грешную землю голос Янкловича.

Высоцкий спокойно вытер руки газетой:

— Пошли со мной…

Мы двинулись за ним.

И вот он на сцене, а нам нашли места в первых рядах.

Все-таки Сам попросил…

А потом: дом хрустальный на горе для нее, протопиты мне баньку по белому, чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее…

И голова идет кругом, как тогда…

По соседству со мной на Таганке живет Лева, Лев Константинович Анисимов, в те времена ведущий манекенщик Дома моделей на Кузнецком мосту. Ну сами знаете — Слава Зайцев. Регина Збарская…

И я по случаю поделился с ним этой «пивной» историей, а в ответ он рассказал мне свою…

Привожу ниже.

Однажды с утра в квартире Анисимова затрезвонил телефон. Звонил Веня — актер Вениамин Смехов, с которым Лева жил в одном доме.

— У Володи джинсы порвались, — с места в карьер начал Веня, — ты можешь помочь?

— У какого Володи? — опешил Лева.

— У Высоцкого…

— Как в лучших домах Лондона! — мгновенно отреагировал Лева. — Жду…

Минут через десять появились Смехов с Высоцким и бутылкой перцовки. Перцовка быстро кончилась. Володя прилег отдохнуть, Веня пошел к себе, а Лева принялся за дело — надо было разобраться с молнией на джинсах…

Прошел час-другой.

Высоцкий внезапно вскочил: сколько времени, че не разбудили, в театр опаздываю…

Лева протянул ему готовые джинсы…

— Поехали со мной, — влезая в них, пригласил Высоцкий, — репетицию посмотришь.

И Лева поехал с ним.

Тогда еще у Высоцкого не было известного «мерседеса», а был желтенький «запорожец», на котором он лихо гнал. В результате на перекрестке у Театра на Таганке машину остановили, но когда гаишник увидел за рулем самого Высоцкого, не раздумывая дал отмашку — проезжай…

Вот признание — не надо вылезать, доставать права, оправдываться…

И даже автограф не попросил.

А вообразите такую картину: Владимир Высоцкий на желтеньком «запорожце» объезжает памятник самому себе, а милиционер ему честь отдает…

Эко меня понесло, но вернемся обратно.

С Высоцким еще случались встречи, в основном мимолетные — в театре или на Малой Грузинской рядом с домом 28, в котором он последние годы жил. Дело в том, что в подвале этого дома располагался горком графиков — художников-авангардистов. Мой старший товарищ, брат по жизни Эдуард Дробицкий возглавлял это «гнездо отщепенцев» — так выражалась советская пресса. И именно здесь душным июльским вечером олимпийского года, года 1980 от Рождества Христова, Эдик срывающимся голосом выдавил страшную весть — умер ВЫСОЦКИЙ…

Что-то оборвалось во мне, не хотелось верить — не было еще официальных сообщений, да и черт с ними, это уже произошло, не где-нибудь, а в этом доме — этажами выше, ближе к небу…

К небу ближе…

Но история на этом не закончилась. За кометой Высоцкий потянулся след, словно от реактивного самолета.

Художник Виталий Лукьянец пригласил меня на свою персональную выставку. Я дружил с Виталием, писал о нем. Тогда художников в основном делили на два направления — реалист или авангардист. Так вот он был ближе к первому. Где-то к Глазунову. Кстати, Илья Сергеевич меня и познакомил с Виталием.

Выставка Лукьянца открылась в Доме самодеятельного творчества — старинный особняк, что прямо напротив Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Только в музей можно было попасть легко, а к «самодеятельному» художнику протянулась очередь, человек сто…

Выставку украшали большие известные полотна художника, связанные с землей и космосом, подтверждающие неразрывную связь меду ними, но была и галерея портретов. И когда я увидел один из них, я просто опешил…

Это был портрет Высоцкого. Он стоял боком. Знакомый до боли профиль. В руках гитара. За ним на стене висела фотография Марины. Естественно, Марины Влади. А на переднем плане выделялась одинокая белая лилия…

«Вот и думай, почему, зачем ей здесь нашлось место?»

— И как тебе? — точно сейчас прозвучал голос Виталика.

— Не ожидал, — поежился я тогда, — предупреждать надо…

— Да краски еще не просохли, — пошутил он, — стихотворение прочитаешь?

— «Гамлет с Таганки»? — уточнил я.

— Ну да, Гамлет, — кивнул он.

И я не заставил себя упрашивать.

Слышали бы вы аплодисменты любителей «самодеятельного» творчества.

Ко мне подошла одна скромная женщина, дама, если хотите, и начала благодарить...

— Нина Максимовна, — включился в разговор Виталий и чуть понизил голос, — Высоцкая...

— Ма-ма? — невольно вырвалось у меня.

— Мама, — тихо ответила она, а я подумал: «Если бы я знал, что тут находится мать Высоцкого, то смог бы я читать свой опус или нет?»

— Мне понравилось, — просто сказала Нина Максимовна, — заходите с Виталиком в гости...

Потом я не один раз был у ней в гостях на Малой Грузинской, с Виталием и без, а портрет Высоцкого занял достойное место в холле квартиры.

Такой подарок сделал художник Лукьянец.

На журнальном столике лежал толстый альбом Сальвадора Дали.

— Володя из Парижа привез, — рассказывала Нина Максимовна.

В кабинете мне понравились простые деревянные полки для книг.

— Володя сам сделал, — гордилась она.

Однажды мы говорили с ней в холле у окна с видом на пошарпанный католический костел, в котором размещалась какая-то ремонтная контора, и Нина Максимовна грустно произнесла:

— Весной того самого года я стояла с Володей здесь же, и он мне прошептал: «Мама, я, наверное, скоро умру...»

В спальне окна были зашторены.

На кровати лежал одинокий букет высохших роз.

— С того дня сюда никто не заходил, — как-то приоткрыла мне дверь Нина Максимовна.

А сейчас мне вспомнилась другая история.

Средь бела дня затрезвонил телефон. Я тогда жил на Пресне, рядом с «Ваганькой».

Звонила Нина Максимовна:

— Саша, здравствуй, не помешала?

— Да что вы, — слегка растерялся, — весь во внимании...

— Ко мне тут иностранцы нагрянули, фильм о Володе снимают, — заторопилась она, — мне очень нравится твое стихотворение о нем, можешь этим телевизионщикам прочесть…

Я взглянул на часы, прикинул расстояние и бодро молвил:

— Буду минут через двадцать…

Влез в джинсы, надел рубашку и чуть ли не бегом устремился на Малую Грузинскую.

Наружу рвались строчки «Гамлета с Таганки».

Гамлет —
на краю черты.
Крайность —
в век середины.
Коней твоих
сочтены
версты
Над пропастью
фарисейской
трясины
Парус,
Порвали
парус.
Не прозвучал
аккорд
прощальный
Корабль
отправился
в последний
путь.
Курс —
на приют
Ваганьковский.
В смиренье
вечном
отдохнуть.
А песен
души
босые
Бредут
за тобой
немые.
Гитара
стоит
у театра,
Нищенкой,
отказавшейся
от подаянья...
Занавес.
Подайте
Занавес.

С ходу и записали. Дублей не понадобилось.

Скоро у меня вышла новая книжка «Край света, до востребования» — проза с лирическими отступлениями в оформлении, конечно, Эдуарда Дробицкого, тогда не народного художника России, не академика Российской академии художеств, но обладателя различных зарубежных наград.

Шел 1985 год. Была объявлена перестройка.

Я с радостью вручил книгу Нине Максимовне. В ней был напечатан «Гамлет с Таганки».

Я посетовал, что посвящение Владимиру Высоцкому убрали, что я пытался его отстоять, но доходчиво объяснили: иначе твоя, почему-то «желтая», книженция вообще не увидит свет…

Замечу — она была оранжевого цвета!

— Саш, да не переживай ты, — успокоила меня Нина Максимовна. — И так понятно — кому и про кого…

И подарила мне скромное издание, вроде брошюры, наверное, одно из первых о Высоцком. На титульном листе драгоценные строчки: «Саше в память о моем сыне Володе…», а на задней обложке исходные данные: «Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства», тир. 300 000, цена 1 руб. 30 коп… Умножьте.

1983 год. Спохватились.

А недавно в «Доме книги» на Новом Арбате у меня была презентация романа «Райский сон на курорте Гуантанамо». По случаю задержался у книжного ряда «Владимир Высоцкий» — глаза разбегаются, цены — до тысячи рублей и больше. Я выбрал небольшой сборник «Избранное», на обложке, понятно, растиражированное изображение поэта с гитарой. Даже сохранил чек: В. Высоцкий, 290руб.

Вот так. Как все просто.

Дом хрустальный на горе для нее...
А на нейтральной полосе цветы...

У меня дома висит портрет актера, певца и поэта работы Лукьянца. В нижнем правом углу мама Высоцкого написала: «Желаю добра, так говорил наш Володя…»

Именно — НАШ!

Вселенский…

Вспомнилась сцена из спектакля «Послушайте», где Высоцкий играл Маяковского, как утверждалось в учебниках, великого пролетарского поэта…

На мольберте выделялся чистый холст.

Белый холст…

— Я сразу смазал карту будня, — практически рычал Высоцкий, — плеснувши краску из стакана, — и плескал на холст стакан красок, — я показал на блюде студня косые скулы океана…

И каждый раз рождалась новая палитра.

Готовая картина.

Руки Владимира Высоцкого.

...А вы ноктюрн сыграть могли бы
на флейте водосточных труб?

Помните?

Знаете, о чем я жалею сейчас? Один из таких холстов мог спокойно быть у меня, и с подписью Высоцкого, но, к сожалению, тогда эта мысль не приходила в голову. И другим, скорее всего, тоже.

А шлейф за кометой Высоцкий продолжал тянуться...

Где-то десять с лишним лет назад в театре «Эрмитаж» телевидение снимало ежегодную передачу «Моя колея» о Владимире Высоцком. Популярные артисты исполняли его песни. Скоро я заскучал...

— Что, не тащит? — раздался голос по соседству.

— Слабо, — машинально ответил я и повернулся.

Рядом сидел крепкий мужчина в свитере. Лицо его было знакомо.

— Туманов, — протянул руку мужчина, — Вадим Иванович...

— Тот самый, золотоискатель, — вырвалось у меня, — друг Высоцкого...

— Ну да, — улыбнулся он.

Мы разговорились.

Я поинтересовался его мнением о памятнике на «Ваганьке»...

— Марина просила меня найти подходящий метеорит, — задумчиво произнес Туманов, — и я такой нашел, но вышло иначе...

В это время на сцене запел Николай Губенко.

Мощно запел.

Что за дом стоит на семи ветрах...

Повеяло духом Таганки!

Позже я увидел тот самый метеорит. В человеческий рост. Похожий на очертания какого-то инопланетного сфинкса.

Хорошо, если бы он приземлился на «Ваганьке», а памятник мог украсить любое другое достойное место.

А прошедшей осенью меня пригласили в Театр на Таганке на фестиваль «Высоцкий — Fest».

В перерыве как-то само собой познакомился с сыном Высоцкого — Никитой.

Поделились впечатлениями о фестивале — дело хорошее.

— Надо помогать молодым талантам! — бодро сказал Никита.

— Да уж, — почему-то вяло ответил я, возможно, потому, что вдруг осознал: нахожусь в знакомом до боли фойе театра...

Вон и портреты — Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Брехта.

Давно здесь не был.

Рассказал Никите, что мой спектакль «Чертановская чертовщина» в постановке Сергея Арцибашева был показан на новой сцене, что по ходу звучали песни Высоцкого и что сейчас пишу воспоминания «Лики судьбы, или Дребезги жизни», где одна из новелл будет посвящена...

— Отцу? — опередил меня Никита.

— Ну да, — я даже не удивился — интуиция, — и поведал историю с сыном Есенина, с Хлопушей-Высоцким, с Любимовым...

— Много времени утекло, — вздохнул Никита.

И мне вдруг вспомнилось одно практически происшествие.

Озвучить или нет? Но любопытство перетянуло...

— Никита Владимирович, — даже неожиданно для себя я перешел на высокие отношения, — а у меня про вас тоже есть история...

— Про меня? — Глаза у Никиты расширились.

— Видите вон ту дверь? — Я указал на вход в театр.

— Ну? — Он пожал плечами.

— Однажды вечером, много лет назад, — я как бы окунулся в прошлое, — смотрю, в театр не пускают высокого паренька, кстати, похожего на Высоцкого...

— Так они меня и не пустили, эти... — Никита возмущенно взмахнул руками.

«Помнит», — отметил я, а билетерши тогда, когда я к ним подошел, объяснили просто: представился Никитой Высоцким, но мы откуда знаем, сын он или не сын, и отправили на служебный вход...

Вот как было.

А сын теперь, известный человек, актер, проводит здесь фестиваль «Высоцкий — Fest»! Ну, Fest — это в ногу со временем, а для меня замкнулась цепочка, ниточка небесная, если хотите, — Мама, Сын, Внук...

Вселенский путь продолжается.

А рядом с памятником на Страстном бульваре на Татьянин день ко мне спустились следующие строфы:

Земля —
Любовь.
Деревья —
Люди.
Высоцкий —
как крест
с распростертыми руками...

25 января года 2019 от Р. Х.